

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йоршиш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивялова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскую. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

Е. Н. Афолина

К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)

Глава тумэт-монголов Алтан-хан (1507—1581) — одна из самых ярких и влиятельных политических фигур в истории Монголии второй половины XVI в. Авторы монгольских летописей прославляют его как распространителя буддийского вероучения, поскольку Алтан-хан пригласил из Тибета главу монастыря Дэпун, иерарха одной из основных школ тибетского буддизма, *гэлугна*, Соднам Гьяцо, и в 1578 г. состоялась их встреча в монастыре Цабчиал на озере Кукурнор. Хотя сама встреча еще не означала повсеместного распространения буддизма в Монголии, но она стала началом активной переводческой деятельности и широкомасштабного миссионерского процесса, который затронул практически все население Монголии и повлек за собой глубокие изменения в обществе, их результаты ощутимы и по сей день. Самому Алтан-хану суждено было стать свидетелем лишь начала этих процессов — правитель тумэтов скончался в 1582 г., т. е. через четыре года после встречи на Кукурноре, которая явилась, пожалуй, последним крупным мероприятием, предпринятым Алтан-ханом в ходе его долгой жизни, активной и многогранной деятельности.

Мнения современных историков о том, какие цели преследовали монголы, устанавливая официальные отношения с тибетцами, довольно противоречивы. Решение данного вопроса во многом зависит от того, как тот или иной исследователь оценивает проводившуюся Алтан-ханом внутреннюю и внешнюю политику в целом. Ряд исследователей полагают, что Алтан-хан претендовал на роль объединителя монголов и в связи с этим обратился к буддизму. Данной точки зрения придерживаются, например, М. Россаби, Т. Д. Скрынникова, Ш. Б. Чимиддоржиев. М. Россаби полагает, что Алтан-хан предпринял последнюю попытку объединить монголов во времена династии Мин, а затем, отчасти побуждаемый своим сподвижником, Хутуктай Сэцэн-хунтайджи, пытался обратить все население Монголии в тибетский буддизм, предполагая, что религиозное единство преобразуется в политическое [29: 38]. Ш. Б. Чимиддоржиев считает, что Алтан-хан предпринимал походы против ойратов с целью добиться нового объединения монголов [21: 56]. Иной точки зрения придерживаются В. Вайт, Г. Сэрройс¹,

Н. Ариунгуа, Н. Каренина Кольмар-Пауленц. Они приходят к выводу о том, что Алтан-хан никогда не стремился к завоеванию всей Монголии. Для обоснования данных точек зрения исследователи неизбежно вынуждены затрагивать и другие, не менее сложные проблемы, и прежде всего вопрос о взаимоотношениях Алтан-хана с великими ханами, а также вопрос о наследовании титула *хаган*, великого всемонгольского хана в Монголии в XVI в.

В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать на основе сведений, которые содержатся в источниках, взаимоотношения Алтан-хана с теми монгольскими правителями, которые наследовали титул *хаган*.

Прежде всего следует отметить, что изучение истории Монголии XVI в. сопряжено с рядом серьезных проблем. Основная из них — недостаточно подробное освещение событий того времени в тех монгольских, тибетских и китайских источниках, которыми на сегодняшний день располагают ученые. Лишь один из этих памятников по времени написания предположительно относится ко второй половине XVI в., — это законы Алтан-хана², информации о жизни и деятельности хана, а также материалов о событиях политической истории Монголии XVI в. данный источник не содержит. Такие сведения можно почерпнуть главным образом из монгольских летописей XVII—XIX вв., которые крайне лаконичны в описании событий XVI в. Наиболее ранней из них по предположениям исследователей является анонимная хроника «Алтан тобчи». Она была составлена приблизительно в начале XVII в., точная дата написания пока не установлена³. В этом источнике мы находим чрезвычайно краткое описание монголо-тибетских отношений конца XVI в.

Следующей по времени составления, видимо, являлась «Шара туджи» анонимного автора. Точной даты завершения памятника не известно, но появилась она позже анонимной «Алтан тобчи», поскольку автор «Шара туджи», как установил Ц. Жамцарано, заимствовал отдельные фрагменты анонимной «Алтан тобчи» [10: 66—67; 8: 243].

Временем составления следующей хроники, «Алтан товчи» Лувсан Данзана, Ц. Жамцарано считает се-

редину или вторую половину XVII в., его точки зрения придерживаются Н. П. Шастина, Л. С. Пучковский и Х. Пэрлээ. Основываясь на анализе содержания хроники, А. Мостэрт полагает, что она была написана между 1649 и 1736 гг.; В. Хайссиг сужает эти временные рамки до 1651—1655 гг. Ш. Бира, сопоставляя вышеуказанные точки зрения, считает наиболее вероятным, что хроника была составлена либо в самом конце XVII, либо в начале XVIII в. [8: 230—232].

Наиболее подробной в описании событий XVI в. является хроника «Эрдэнийн товчи»⁴. Это сочинение на протяжении многих лет пользовалось большой популярностью среди монголов и в рукописях широко распространялось по всей стране, являясь одной из наиболее читаемых книг монгольских грамотеев [8: 252]. Хроника была написана в 1662 г. ордосским Саган Сэцэном, праправнуком Хутуктай Сэцэн-хунтайджи, являвшимся одним из ближайших сподвижников Алтан-хана. Автор уделяет большое внимание описанию деятельности своего предка. Однако такое повышенное внимание автора к личности Хутуктай Сэцэна таит в себе большую опасность для исследователя: иногда в своем стремлении прославить прапрадеда автор приписывал ему деяния и высказывания, которые, согласно монгольским и тибетским источникам, совершали другие лица, что, соответственно, может послужить причиной серьезных ошибок не только при характеристике личности и деятельности Хутуктай Сэцэна, но и при характеристике в целом исторической ситуации XVI в.

Принципиально новым шагом в исследовании интересующего нас периода истории Монголии стало существенное сравнительно недавно издание «Эрдэни тунумал нэрэту судур»⁵, известной как «История Алтан-хана Чакравартина» или «Биография Алтан-хана». Издание было выполнено историком из Внутренней Монголии, Джорунгой⁶, и вышло в Пекине в 1984 г. [5]⁷. «История Алтан-хана» занимает особое место среди монгольских источников, поскольку ее сообщения основаны на оригинальном сочинении, составленном Уран Тангарик Даюн-кия, — об этом сообщается в колофоне сочинения [24: 185]. Даюн-кия известен как один из участников монгольских посольств к III Далай-ламе, т. е. он был очевидцем событий второй половины XVI в. Имя автора «Истории Алтан-хана» не установлено. Данное сочинение является наиболее подробным в отношении сведений по истории Монголии в XVI в. Как отметила В. Вайт, данный источник способствует восполнению пробелов в описании борьбы Алтан-хана с урянхайцами, ойратами и китайцами благодаря тому, что в нем упоминаются подробности, о которых не сообщают другие, более поздние по сравнению с ним сочинения, и детали, которые не проникли в китайские источники [32: 115].

Значительный вклад в историю изучения «Истории Алтан-хана» внесла проф. Каренина Кольмар-Пауленц, которая выполнила первый полный перевод источника на европейский (немецкий) язык [27], ее исследование вышло в 2001 г. Данная работа представляет большой интерес по нескольким причинам. Во-первых, автор использовала не только пекинское издание памятника 1984 г., но и оригинал источника, дошедший до

нашего времени в единственном рукописном варианте⁸, который несколько отличается от издания Джорунги⁹. Во-вторых, проф. Каренина Кольмар-Пауленц выполнила полный сопоставительный критический анализ сведений, содержащихся в монгольских летописях XVII в.¹⁰ и тибетском «Жизнеописании III Далай-ламы», который невозможно было выполнить до введения в научный оборот «Истории Алтан-хана». Выводы, сделанные автором, сводятся к тому, что сообщения всех монгольских летописей XVII в. о приглашении Соднам Гяцо в Монголию — производны, основаны на сообщении «Жизнеописания III Далай-ламы», исключения здесь только хроника Саган Сэцэна и «История Алтан-хана», составленная почти за тридцать лет до «Жизнеописания Далай-ламы» и являющаяся наиболее близким по времени к интересующим нас событиям источником с монгольской стороны [28: 11].

Следует упомянуть еще одну работу, основой которой послужила «История Алтан-хана», — монографию монгольской исследовательницы Н. Ариунгуа «Монгольско-китайские отношения XIV—XVI вв.» [34]. Эта работа представляет несомненный интерес еще и потому, что ее автор использует многочисленные китайские источники, не переведившиеся на русский язык.

Сведения по истории интересующего нас периода содержатся в китайских источниках, главным образом в «Мин ши лу» и «Мин ши»¹¹. Материалы или фрагменты перевода данных источников представлены в исследованиях Д. З. Покотилова [15] и П. И. Попова [16] и Г. Сэрройса [31].

Прежде чем рассматривать непосредственно политику Алтан-хана, необходимо в целом охарактеризовать ситуацию в Монголии. Падение династии Юань (1280—1368) и изгнание монголов из Китая ускорило процесс распада монгольского государства на отдельные владения. При характеристике периода XIV—XVI вв. в истории Монголии исследователи, как правило, указывают на сочетание двух основных тенденций — войны восточных монголов между собой и борьба между восточными и западными монголами за гегемонию в Центральной Азии.

Со времен Чингис-хана население Монголии делилось на два крыла: правое, западное (*барун гар*), и левое, восточное (*дзун гар*). Левое крыло составляли *ойраты*¹², за которыми со временем закрепилось наименование «джунгары»¹³. По составу *ойраты* представляли собой довольно сложный этнический комплекс, включающий различные племена, среди них *торгуты*, *дэрбэты*, *хошоуты*, *чоросы*, *хойты* [12: 175]. Отказавшись подчиняться всемонгольским ханам, *ойраты* прочно обосновались на западе Монголии и с начала XV в. стали проводить самостоятельную внешнюю политику [11: 26].

Восточная Монголия к середине XVI в. состояла из шести *тумэнов*¹⁴, три из них составляли восточное и три западное крыло. В состав западных *тумэнов* восточной Монголии входили *ордос*, двенадцать *тумэтов* и другие племена, среди которых были *юншиэбу*, *асуд* и *харачины*. Три восточных *тумэна* — *чахарский*, *халхаский* и *урянхайский*¹⁵ [30: 183, примеч. 6; 18: 16].

В конце XV—начале XVI в. попытку объединения страны предпринимает Бату Мункэ, известный в монгольской историографии как Даян-хан¹⁶. Его попытка оказалась успешной, благодаря чему междоусобицы временно прекратились. Практически все историки называют его правление восстановлением политического единства и самостоятельности монгольского государства, усилением его обороноспособности [12: 184; 19: 525]¹⁷. В годы правления Даян-хана ойраты принимали активное участие в объединительных действиях хана. После смерти Даян-хана государство вновь распалось на ряд самостоятельных владений. Сведения об уделах, которые получили в наследство одиннадцать сыновей Даян-хана, сообщает в своем исследовании В. Вайт [33: 388]. Формально звание великого (всемонгольского) хана сохранялось за старшими потомками Даян-хана. Его наследниками являлись Боди Алаг (1504—1547, хан с 1544 г.), Дарайсун (1520—1557, хан с 1548 г.), Тумэн Дзасакту-хан (1539—1593, хан с 1558 г.), Буянтайджи, известный как Сэцэн-хан (1555—1603, хан с 1594 г.) и Лигдэн-хан (1592—1634, хан с 1604 г.). Хотя все остальные правители номинально должны были подчиняться великому хану, в действительности все выглядело иначе. В оценках периода, последовавшего за смертью Даян-хана, исследователи единодушно указывают на то, что великий хан уже не обладал реальной политической властью. Фактически централизованной политической структуры управления не существовало: единое монгольское государство дробится на более или менее значительное число владений, стремящихся к политической самостоятельности, что ведет к длительным междоусобным войнам [12: 169, 172].

Оценивая данный период истории Монголии, В. Вайт говорит следующее: «Ослабевающий авторитет центральной власти и возрастающее дробление территорий и имущества благоприятствовало в дальнейшем возвышению региональных правителей, членов рода Борджигид» [33: 391]. К их числу принадлежал и глава тумэт-монголов, Алтан-хан. Его деятельность проходила на фоне правления нескольких великих ханов — Бату Мункэ, Боди Алага, Дарайсуна и Тумэна, и вопрос о характере взаимоотношений Алтан-хана с этими правителями изучен недостаточно, хотя является одним из ключевых при характеристике политики Алтан-хана.

Алтан-хан являлся вторым из семи сыновей Барсу Болода, второго сына Даян-хана, он родился в 1507 г. Если принимать датировку кончины Даян-хана, 1543 г., которой придерживаются на сегодняшний день большинство исследователей, то Даян-хан должен был являться свидетелем значительной части жизни Алтан-хана, однако источники не подтверждают данного предположения. Если исходить из того, что Даян-хан скончался в 1504 г., то Алтан-хан даже в младенческом возрасте не мог застать в живых своего прославленного предка. В отличие от остальных источников «История Алтан-хана» содержит подробные сведения о ранних годах жизни Алтан-хана. Согласно данному источнику, дата смерти Даян-хана — 1517 г. Неизвестный автор хроники сообщает о том, что маленького Алтан-хана привезли к деду в 1510 г. [27: 52].

Отец Алтан-хана, Барсу Болод носил титул *джинона*¹⁸ и в его ведении с 1512 по 1531 гг. находились

три западных тумэна Восточной Монголии, после его смерти титул *джинона* вместе с *тумэном ордос* унаследовал его старший сын, Гун Билиг Мэргэн. Алтан получил во владение кочевья двенадцати *тумэтов*, расположенные к северу от границы Шанси и титул *тайджи*¹⁹ [23: 6].

Алтан-хан известен своими многочисленными военными кампаниями, которые он вел по трем основным направлениям — войны с Китаем, ойратами и урянхайцами. «История Алтан-хана» сообщает нам сведения о том, что его военная активность началась довольно рано. Так, походы против урянхайцев, в которых он участвовал вместе со своим старшим братом Мэргэн-джиноном, непрерывно продолжались с 1524-го, когда Алтану было всего 17 лет, до 1532 г. Затем они возобновились в 1533, 1537/38, 1541 и 1544 гг. В «Истории Алтан-хана» перечислены имена предводителей урянхайцев и названия местностей, где проходили сражения [32: 115; 5: 42—43, 51]. Причины этих столкновений, по-видимому, были связаны с восстанием урянхайцев, которое подавлял Даян-хан.

Монгольская исследовательница Н. Ариунгуа сообщает, что с 1536 по 1541 гг. Алтан-хан совершил восемь военных набегов на урянхан по приказу Боди Алага, чтобы подавить восстание Туруй-ноена и Гэрболод Чинсана [34: 64]. Согласно «Истории Алтан-хана», за победы над урянхами Боди Алаг даровал Алтан-хану титул Тушээту Сэцэн-хан²⁰, на это обстоятельство обратил внимание еще Ш. Нацагдордж [39: 10]. Боди Алаг (1504—1547), сын умершего Туру Болода, старшего сына Даян-хана, согласно большинству источников, унаследовал титул великого хана.

Другое направление завоевательных походов Алтан-хана — ойраты. Большинство исследователей, на основе сообщений Саган Сэцэна, относят начало военных действий Алтана против ойратов к 1552 г. и называют два основных похода: 1552 г., во главе с самим Алтаном, и 1562 г., когда по приказу Алтана, Хутуктай Сэцэн-хунтайджи разгромил ойратов и торговцев, кочевавших в районе Иртыша [20: 34—35; 11: 43; 39: 11]. В «Истории Алтан-хана» сообщаются более подробные сведения об этих походах. Н. Ариунгуа, на основе этого источника говорит о том, что на протяжении 10 лет, с 1532 по 1542 гг., Алтан принимал активное участие в борьбе против Бурхай-тайджи²¹ [34: 64]. Противоборство началось с того, что Бурхай-тайджи предложил в жены Мэргэн-джинону свою дочь, а затем сбежал. В. Вайт обращает внимание на то, что военные походы велись главным образом против одного из ойратских родов, *ойгудов*²² [32: 116; 5: 18, примеч. 2], а само повествование «Истории Алтан-хана» начинается с того, что центральный из трех западных тумэнов, *ордос*, не принял *джинона* Улус Болода²³, второго сына Даян-хана²⁴, назначенного им в 1509 г. Одним из убийц Улус Болода наряду с ордосским Мандулаем, являлся известный Ибарай-тайджи²⁵ из *ойгудов*²⁶. По мнению И. Я. Златкина, потерпев поражение от Даян-хана, Ибарай-тайджи бежал на запад, в район Кукунора [11: 63]. В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана также изложена история о смерти Улус Болода от руки Ибарай-тайджи и о том, что последний сумел избежать смерти в бою, который вел против него Даян-хан [2: 287]. Автор «Истории Алтан-хана» рас-

смачивает походы Алтана на *урянхай* и его борьбу с *ойгудами* на Кукуноре как продолжение войн с составшими при Даян-хане *урянхами*. Следует отметить, что в своих ранних походах Алтан-хан участвовал вместе со старшим братом, Мэргэн Джиноном, то есть вел военные действия не как самостоятельный правитель, преследующий исключительно свои собственные интересы, а действовал по приказу и от лица великого хана Боди Алага.

И. Я. Златкин отмечает, что конфликты между восточными монголами и ойратами во второй половине XVI—начале XVII в. были локальными, пограничными [11: 68]. В них участвовали чаще всего какое-либо одно восточномонгольское и одно ойратское владения. Такие столкновения, по мнению исследователя, имели место не только в той пограничной зоне, где кочевали ойраты и их восточномонгольские соседи, но и на территории всей Монголии. Естественно, что при таких локальных конфликтах решались лишь локальные задачи [там же]. Данное утверждение справедливо и по отношению к ранним походам Алтан-хана против ойратов.

После Боди Алага ханский престол перешел 29-летнему Гудэн Дарайсун-тайджи. В 1548 г. Алтан обратился к Дарайсуну с просьбой даровать ему титул малого хана: «Ты сделался великим хаганом. Соизволь пожаловать мне титул малого хана, защитника твоего правления». Хан согласился и дал Алтану титул *шитну-хана*²⁷ [3: 148]. Приведенная цитата — из монгольской летописи «Шара туджи». Сообщение об этом есть как в монгольских, так и китайских источниках, например «Мэнгу-ю-муцзи»: «в настоящее время все владение умиротворено. Для охраны резиденции хана существовали титулы ханка и содо-хана: прошу пожаловать меня этим титулом и я стану охранять престол хана» [16: 331].

Монгольские источники практически ничего не сообщают нам о делах Дарайсуна, однако пространно пишут о войнах, которые вел в этот период Алтан-хан. По мнению Ш. Нацагдорджа, Дарайсун стремился объединить западные и восточные *тумэны* Восточной Монголии, однако, опасаясь усилившегося во времена его правления Алтана, был вынужден проводить политику мирного сосуществования, а с ростом влияния Алтан-хана, Дарайсун был стеснен настолько, что, взяв *тумэн* чахаров, который являлся наследственным личным владением Великого хана, перекочевал на восток, за Хянган и осел у границ с Ляодуном [39: 11]. Н. Ариунгуа также упоминает о перекочевке Дарайсуна, и даже называет дату: 1546—1547 гг. [34: 65]. К сожалению, ни Ш. Нацагдордж, ни Н. Ариунгуа не называют источника данных сведений.

О правлении следующего великого хана, Тумэн Дзасакту, мы находим в монгольских источниках более подробную, но все же недостаточную информацию. Так, в «Шара туджи» говорится: «Тумэн-тайджи повстречался с Карма-ламою, принял желтую веру и шесть *тумэнов* вместе собрав, великий закон установил. [Он] поручил правление из 3 восточных *тумэнов* Намудай хунтайджи, халхаскому Субугай Уйдзэну, из трех западных *тумэнов* ордосскому Хутуктай Сэцэн-хунтайджи, асутскому Ном Дара Холочи-Нояну, тумэтскому Намудай Цурухэ-хунтайджи. Прославившись как

Тумэн Дзасакту-хан, занимал престол 35 лет» [3: 74 и 149].

Сходные сведения сообщаются и в «Эрдэнийн тобчи» [7: 133, 67v20—67v30], но в отличие от «Шара туджи», Саган Сэцэн называет дату принятия Тумэн-ханом буддизма, а также имя тибетского ламы: «Тумэн хан [в возрасте] тридцати восьми лет в год мыши (1576) встретился с Гарма ламой [по имени] Илдуни Дзангидагч, вошел во врата учения...» [там же].

На основе данных сообщений исследователи решают два вопроса — во-первых, вопрос о связи принятия буддизма Тумэн Дзасакту-ханом и Алтан-ханом, во-вторых, эти сведения позволяют в общих чертах охарактеризовать политику Тумэн Дзасакту-хана.

Н. Ишдхамц полагает, что принятие буддизма Алтан-ханом являлось частью централизованной политики по распространению буддизма в Монголии, которую проводил Тумэн Дзасакту-хан [37: 21]. По мнению Т. Д. Скрынниковой, враждовавшие в Тибете школы устанавливали контакты с монгольскими князьями — политическими соперниками и то, что Алтан заключил союз с главой школы *гэлугпа*, когда всемонгольские ханы поощряли деятельность *кармапских* монахов в своих владениях, объясняется политическим соперничеством как монгольских феодалов, так и тибетских школ [18: 23—24]. Ни та, ни другая точка зрения не вытекает из сообщения источников. Строго говоря, на основе вышеприведенных сообщений сделать вывод о том, насколько были связаны между собой принятие буддизма Алтан-ханом в 1578 г. и Тумэн Дзасакту-ханом в 1576 г. невозможно. Из этого следует, что выводы исследователей по данному вопросу несколько преждевременны — на основе материалов, имеющихся в источниках, можно судить лишь о том, что и Тумэн Дзасакту-хан, и Алтан принимают буддизм в той или иной форме²⁸.

Что касается характеристики деятельности Тумэн-хана, то исследователи (в том числе Н. Ишдхамц, Т. Д. Скрынникова, Ш. Нацагдордж, Н. Ариунгуа, И. Я. Златкин) приходят к выводу о том, что он проводил политику, направленную на объединение страны и создание централизованного правительства²⁹. Ш. Нацагдордж выделяет три направления в политике Тумэн-хана: во-первых, политика объединенного управления западными и восточными *тумэнами*, путем установления дружеского союза между ними и учреждения центрального правительства. Во-вторых, политика расширения границ своих владений: Тумэн-хан подчинил себе *дзорчинов*, *илигууд дохиур* и другие племена, брал с них налог и непрерывно нападал на границы Китая. Однако, как верно указывает Ш. Нацагдордж, не вполне ясно, подчинились ли Дзасакту-хану *ойраты*. И, в-третьих, Тумэн предпринимал меры для того, чтобы в его государстве была единая религия [39: 11].

В целом, большинство отечественных и монгольских ученых придерживаются точки зрения, высказанной Ш. Нацагдорджем, который, говоря об указанном периоде, рассматривает деятельность Тумэна и активность Алтана отдельно. Такой подход представляется вполне обоснованным, так как в источниках не встречается каких-либо указаний на то, как складывались отношения между Алтаном и Великим ханом

Тумэном и насколько эффективны были результаты политики Тумэна, — оценить это практически невозможно из-за отсутствия сведений. Большинство ученых считают, что возрастающая роль главы тумэтов, Алтана помешала осуществлению этой политики централизации [18: 10—11; 12: 185]. Данной точки зрения придерживается Г. С. Горохова, И. Я. Златкин Т. Д. Скрынникова, Н. Ариунгуа, Ш. Нацагдордж и др.

Однако существует и иная точка зрения. Монгольский историк Н. Ишджемц полагает, что политика Тумэн Дзасакту-хана была успешной, и более того, он рассматривает деятельность Алтан-хана как часть этой политики централизации [38]. При данном подходе результаты деятельности Тумэн Дзасакту-хана несколько преувеличены — к такому заключению можно прийти на основании хотя бы того, что в своих отношениях с Китаем Алтан-хан отнюдь не являлся проводником политики великого хана, а, наоборот, мешал ее осуществлению.

Вопрос о торговле издавна был одним из самых острых в монголо-китайских отношениях, поскольку китайский рынок являлся единственным, куда монголы могли сбывать продукты своего хозяйства и приобретать необходимые продукты земледелия и ремесла. Для Алтан-хана вопрос о торговле и, соответственно, об отношениях с Китаем, был еще более актуален в связи с тем, что его территории располагались вдоль китайской границы.

Наиболее раннее упоминание об Алтан-хане в официальных китайских источниках относится к 1531 г.: «Мин-ши» сообщает о его нападении на Датун [15: 150]. Алтан-хан характеризуется в китайских источниках как «храбрый, умный и любитель войны» [16: 328], «могущественный и энергичный» [15: 176]. На протяжении нескольких десятилетий Алтан-хан одновременно с кампаниями против *ойратов* ведет войны с Китаем, стремится установить независимые торговые отношения.

Он неоднократно отправлял в Китай посольства, предлагая явиться ко двору императора с «данью» и открыть пограничную торговлю. Сообщения о них мы встречаем в китайских источниках под 1541, 1542, 1546 гг., в период с 1547 по 1548 гг. со стороны Алтана было не менее трех подобных посольств [62: 155, 159, 162]. Однако все они встречают отказ со стороны китайского правительства — в 1541 г. объявлено о крупном денежном вознаграждении за голову Алтан-хана, в 1542 г. его послы были казнены [15: 155—156, 159, 162].

Алтан-хан продолжает вторжения на территорию Китая. В 1550 г. его войско доходит до окрестностей Пекина, были сожжены селения к северу и западу от китайской столицы. Военные успехи Алтана объяснялись не только высокой боеспособностью его армий, но и крайней слабостью военно-политических позиций империи Мин³⁰.

После успешного похода Алтан-хан вновь предлагает мир, который и был заключен в 1551 г., — открыты два рынка, в Датуне и Сюаньфу. Через некоторое время китайская сторона закрывает рынки. За этим последовала новая полоса вооруженных нападений [15: 164—168].

Важным шагом, предпринятым Алтан-ханом, являлось строительство оседлого поселения. В переводе

«Материалов о монгольских кочевьях» говорится, что первоначально он назывался *Байшэнь*³¹ [16: 232], что восходит к монгольскому *байшин* — здание. По мнению П. Хьера, сам Алтан-хан дал городу название Хухэ-хото³². При буквальном переводе с монгольского данное название значит «Голубой город», оно символически перекликается с идеей священного вечного неба, которое испокон веков почиталось монголами³³.

Город был основан в районе, который несколько веков играл ключевую роль в геополитическом противостоянии между кочевыми народами Центральной Азии и китайскими династиями. Во времена Алтан-хана, данный район являлся центром сосредоточения его военных сил, штабом и опорным пунктом при набегах на территорию Китая [26: 62]. Важным элементом в процессе его строительства являлись китайцы-перевальщики, находившиеся в ставке Алтан-хана. С точки зрения П. Хьера, источники ясно указывают на то, что китайцы-перевальщики принимали участие в походах Алтан-хана, обрабатывали землю и производили продукты питания для монгольских войск, занимались военной разведкой и под руководством монголов построили обнесенный стеной город [26: 63]. Эти сведения подтверждаются и сообщениями «Истории Алтан-хана», где упомянуты имена пятерых: *Лаба, Ибанг, Бичигчи, Сацасхалу* и *Тунбанг*³⁴. Имена троих из них идентифицировал издатель Джорунга³⁵.

По предположению П. Хьера, строительство основных сооружений города началось примерно в 1555 г. Первоначально он был не очень больших размеров: протяженность старой городской стены — не более километра [26: 63].

Необходимо отметить, что основанный Алтан-ханом город являлся первым крупным оседлым поселением, созданным монголами после крушения династии Юань. Его строительство свидетельствовало о серьезном изменении в экономике страны, ставка Алтан-хана довольно быстро превратилась в центр ремесла и торговли [12: 187]. И не только, в дальнейшем город станет центром культурного обмена с Китаем.

Военные вторжения Алтана на территории Китая заканчиваются только к 70-м годам XVI в., времени заключения второго мирного договора [12: 186]. Вполне закономерно возникает вопрос, почему после стольких лет борьбы китайское правительство все-таки идет на заключение мира. Одной из причин являлась та важная роль, которую сыграл в установлении мирных отношений с монголами дальновидный китайский чиновник Ван Чингу, в 1568 г. он «был назначен главноведущим делами на западной границе» [15: 182—183]. «Благодаря его инициативе начались переговоры с монголами, он взял на себя смелость убедить китайское правительство в том, что если император согласится наградить Ань-да (так в китайских источниках называют Алтан-хана. — Е. А.) и допустить, чтобы он приехал с данью, то во всех пограничных местностях будет... царить мир и спокойствие» [15: 184]. Среди прочих доводов Ван Чин-гу было и то, что если не установить дружеских отношений с Алтаном, который собирался покорить Тибет и ойратов, он может напасть на Цзилю вместе с урянхайцами, а его сын Бингу и другие родственники представляют угрозу Лянцзину [34: 76]. «Вань-чунь-гу лично ездил на

границу, объявляя указы, обещал монгольским князьям награды за послушание» — об этом сообщают нам китайские источники [15: 189, 197]. Ван Чин-гу разрабатывал планы урегулирования конфликтов с монголами, его перу принадлежал и проект мирного договора с Алтаном, состоящий из 8 пунктов [34: 76—77].

Монгольская исследовательница Н. Ариунгуа выделяет еще одну причину. По ее мнению, начиная со второй половины XVI в. в политике, которую проводил Китай в отношении монголов, происходят изменения. По мнению Н. Ариунгуа, это было связано с началом процесса государственного объединения. И, стремясь противодействовать этому процессу, китайская сторона проводит политику, направленную на установление мира с южными монголами, а также использовать этот мир для разобщения Алтан-хана и Тумэн-хана. Н. Ариунгуа пересказывает письмо Алтана, отправленное правительству династии Мин. В этом письме Алтан говорит, что после того, как Мин заключит с ним мир, он готов бороться против Тумэна, который наносит огромный ущерб китайскому государству в районе Ляодуна. «Также, после того, как государство Мин даст мне титул „вана“, [оно] может полностью мной распоряжаться. В противном случае, если Китай не заключит мира, [мы станем] нападать вместе с Тумэном» [34: 73—74]. На основе данного письма исследовательница делает вывод о том, что Алтан не только прекрасно понимал политику разобщения, которую проводил Китай, но и довольно умело преследовал свои собственные интересы [там же].

Мир был заключен в 1571 г. Алтан-хан получил титул *шунь-и-вана* (что означает «покорный и правдивый князь»), также ему было пожаловано платье, расшитое четырехпальными драконами [15: 194]. Более подробно это событие описано в китайских источниках, названа дни, которыми датируются соответствующие указы — 21 апреля и 13 мая [31: 19—22]. Награждение Алтан-хана титулом *шунь-и-ван* минским императором Лунцином (1566—1572) в более краткой форме упомянуто и в монгольских источниках, в том числе в «Истории Алтан-хана», где перечислены подарки и ранги для сопровождавших хана сановников. Как указывает В. Вайт, в данном источнике опущен ответ Алтана, который приводится в китайских источниках: «Слушайте все вы! Я провозглашаю Закон и Постановление: до тех пор пока цветы [не] вырастут и наши красные монгольские младенцы [не] достигнут взрослых [лет], до [тех пор] пока жеребцы однолетки и двухлетки не вырастут и не станут меринами, мы не будем нарушать границ народа Срединного [государства]»³⁶. Возможно, неумышленной, но в то же время изысканной мстостью за «покорного и правдивого князя» назвала этот ответ Алтан-хана В. Вайт [32: 118].

Условия этого мирного договора за небольшим исключением отвечали требованиям, которые предъявляла монгольская сторона [34: 78—80]. В результате заключения мира Алтан-хан становился единственным из монгольских правителей, кто получил от Китая официальное право на ведение пограничной торговли. Он соблюдал условия договора до своей смерти и не возобновлял набеги на китайские территории. Н. Ариунгуа сообщает на основе материалов китай-

ских источников о том, что сын Алтан-хана, Бинту, после заключения мира 1571 г. вместе со своим сыном совершил нападения на границы Китая, и Алтан приложил немалые усилия для того, чтобы уладить его конфликт с Китаем. Таким образом, китайская сторона получила желаемый результат и отчасти обеспечила безопасность своих северных границ, но не абсолютно.

Подписание мира с Алтаном, как и следовало ожидать, вызвало недовольство Тумэн Дзасакту-хана, который отправил правительству Мин протест, осуждая китайцев за то, что они «установили отношения с перепрыгнувшим через его голову подданным»; в этой же ноте-протесте Тумэн говорит, что Алтан должен подчиняться ему так же, как супруга подчиняется своему мужу [34: 87]. Н. Ариунгуа приводит высказывания одного из китайских сановников о том, что благодаря титулу *ван* и золотой печати, которые получил Алтан, он стал мужем, а Тумэн — его супругой [34: 88].

После этого Тумэн по предшествующему примеру Алтана проводит ряд военных набегов на восточную часть границы с Китаем, а затем требует установления мира и получает отказ. Он возобновляет набеги снова и снова, но безуспешно. Монгольские источники не позволяют судить о том, возникали ли конфликты непосредственно между Алтаном и Тумэном после подписания мира 1571 г. Но китайские источники сообщают о том, что Тумэн решал свои экономические проблемы не только военным путем. Он был тесно связан с родственниками Алтана и при помощи сына Алтана, Чинбаатара, неоднократно реализовывал свой скот на рынках в Сюаньфу, т. е. стал вести меновую торговлю неофициально. Такое положение даже давало ему некоторые преимущества: в отличие от Алтана, он не был связан никакими обязательствами перед Китаем, поэтому продолжал нарушать границы и вести разбойничьи набеги [34: 89].

Алтан-хан проводил разностороннюю, последовательную политику, целью которой являлось не только расширение подвластных территорий, но и укрепление своих позиций, в том числе экономических, среди других монгольских правителей, — многочисленные военные кампании, строительство оседлого поселения свидетельствуют о том, что Алтан-хан являлся во второй половине XVI в. единственным монгольским правителем, сосредоточившим в своих руках столь большую политическую и военную силу, что в 1571 г. мог позволить себе без ведома великого хана пойти на заключение мира с Китаем. Мирный договор, заключение которого Алтан добивался почти 40 лет, давал южным монголам существенные привилегии в торговых отношениях с Китаем, практически монополию в ведении пограничной торговли, что несомненно наложило отпечаток на расстановку сил в самой Монголии. Для централизации страны, предпринимавшей Тумэн Дзасакту-ханом, политика Алтан-хана, несомненно, служила серьезной помехой. Однако прямых указаний на то, что Алтан-хан боролся с Тумэн Дзасакту-ханом, в исторических источниках не встречается. Алтан-хан действительно проводил не зависимую от Тумэна политику, но сведения о том, как складывались его взаимоотношения со всемонгольским ханом отсутствуют, следовательно любые суж-

дения по данному вопросу могут носить лишь характер предположений.

Таким образом, отношения Алтан-хана с правителями, наследовавшими титул всемонгольского хана, невозможно оценить однозначно: иногда их интересы совпадали, иногда действия Алтан-хана не соответствовали или прямо противоречили интересам всемонгольского хана. Если в своих ранних военных походах Алтан-хан выражал волю Боди Алага, унаследовавшего титул великого хана, то уже в 40-е годы XVI в. хан Дарайсун предпочел перекочевать со своими владениями на восток. С одной стороны, такой шаг не является прямым доказательством столкновений Дарайсуна с Алтан-ханом или территориальных притязаний последнего, с другой — он свидетельствует о том, что между двумя ханами существовали серьезные разногласия.

К 70-м годам XVI в. Алтан-хан являлся самым могущественным из монгольских правителей своего времени. Он обладал значительной военной и политической властью. Район его господства — южные территории Монголии — к концу XVI в. представлял собой наиболее развитую как в экономическом, так и культурном отношении часть Монгольского государства, в которой был город, развивалось земледелие. Кроме того, Алтан-хан проводил не зависимую от всемонгольского хана Тумэн Дзасакту внешнюю политику, он добился установления официальных торговых отношений с Китаем на выгодных для себя условиях и стал единственным монгольским правителем, получившим от китайских властей официальное право на ведение пограничной торговли. Такая независимая деятельность Алтана, а также отношение к нему китайской стороны, конечно, принижали роль и авторитет Тумэн Дзасакту-хана. Однако источники не предоставляют возможности судить о том, какие отношения складывались между двумя правителями, указания на возникновение между ними конфликтов в монгольских источниках отсутствуют.

Теперь представляется целесообразным вернуться к вопросу об оценке политики самого Алтан-хана. Правомерно ли называть ее объединительной? По-ви-

димому, нет. Прежде всего потому, что он не принимал каких бы то ни было действий для того, чтобы распространить свою власть на все население Монголии и проводить единую внутреннюю и внешнюю политику. Его владения никогда не распространялись дальше пустыни Гоби на севере и Великой Китайской стены на юге, несмотря на то, что военные кампании Алтана в подавляющем большинстве случаев были успешными. Войны, которые вел правитель *тумэтов* с *ойратами*, можно оценивать по-разному; довольно сложно сказать, ставил ли Алтан-хан целью присоединить владения и, что еще более существенно, население ойратских кочевий к своим собственным. Судя по результатам его военных кампаний, Алтан прежде всего стремился упрочить положения *тумэтов* в районе озера Куку-нор и добиться их доминирования на границах с Китаем. Хотя Алтан-хан соперничал с Тумэн Дзасакту-ханом, сведениями о том, что он претендовал на владения последнего, мы не располагаем — такого рода сообщения отсутствуют даже в наиболее подробном из известных нам источников о деятельности Алтан-хана, «Истории Алтан-хана».

Вполне возможно, что, добившись столь значительных успехов в военном, политическом и экономическом отношении, Алтан-хан вынашивал идею о возрождении единого монгольского государства — что касается намерений главы *тумэтов*, то, по-видимому, о них не всегда в состоянии судить даже современники крупного политического лидера. Даже если такое намерение и существовало, то фактов, свидетельствующих о том, что Алтан-хан предпринимал конкретные шаги к его реализации, не известно.

Подводя итог, следует отметить, что большинство проблем, с которыми сталкивается исследователь при изучении рассматриваемого периода истории Монголии, связаны с недостаточно подробным освещением событий XVI в. в тех монгольских и китайских источниках, которые на сегодняшний день доступны. Вследствие этого оценки того или иного события или процесса в большинстве случаев могут носить лишь характер предположений.

Примечания

1. См. статью Г. Сэрройса «Алтан-хан» в Словаре биографий династии Мин [23: 1].
2. Данный источник сохранился только в тибетском варианте, написанном скорописью.

Долгое время сведения об этих законах ограничивались лишь краткими сообщениями «Жизнеописания III Далай-ламы» и «Эрдэнийн товчи» Саган Сэцэна, причем последний приписывает их составление Хутугтай Сэцэн Хунтайджи, поэтому во многих исследованиях можно встретить упоминание о «Законах Хутугтай Сэцэн хунтайджи» [см., напр.: 1: 41; 30: 185]. В 1973 г. в музее г. Ливерпуля Р. О. Майзецалем была обнаружена и опубликована рукопись документа, известного ныне как «Закон Алтан-хана» [22: 277]. Данный памятник дошел до наших дней только в своем тибетском варианте, написанном скорописью. Подробная история его изучения изложена в работе Ш. Биры [22]. Монгольский ученый опубликовал текст источника, переписанный обычным тибетским письмом (шаб-йиг; тиб. *szab yig*), а также перевод его отдельных фрагментов на английский язык.

Для того, чтобы утверждать с уверенностью, что данный свод законов являлся теми законодательными актами, которые были провозглашены в ходе встречи 1578 г., составление которых Саган Сэцэн приписывает Хутугтай Сэ-

цэн Хунтайджи, требуется детальное сопоставительное исследование памятника с соответствующими фрагментами «Жизнеописания III Далай-ламы» и хроники Саган Сэцэна. Но тот факт, что свод законов Алтан-хана дошел до наших дней лишь в своем тибетском варианте, наталкивает нас на мысль о том, что немаловажное, если не решающее, значение в его составлении играли тибетцы, и заставляет предполагать, что его составление происходило во время или сразу же после встречи на Куку-норе.

Следует также отметить, что законы, составленные в кочевьях Алтан-хана, являлись не единственным памятником законодательства монголов конца XVI в. Известны также сборники законов, составленные в Халхе, их изучению посвящены работы Х. Пэрлээ [40] и А. Д. Насилова [14].

3. Л. Лигети и Л. С. Пучковский высказали мнение о том, что «Алтан товчи» была написана не ранее 20-х годов XVII в. [8: 210]. Ч. Баудэн, опубликовавший сводный текст источника и его перевод на английский язык, который и использовался в данном исследовании, сообщает, что основной текст источника появился в период с 1604 по 1634 гг. [4: 13]. Н. П. Шастина также указывает на то, что отдельные списки анонимной «Алтан товчи» могут быть датированы 1604 и 1627 гг. [3: 4].

4. При написании данной статьи использовался текст источника, изданный И. Рахевиллицем в 1990/91 г. [7], а также перевод на немецкий язык, выполненный И. Шмидтом [6].
5. Оригинал сочинения хранится в библиотеке Института истории и литературы Академии общественных наук Внутренней Монголии КНР в Хох-хото.
6. Монг. *Jorngy-a*.
7. Монгольский историк Ш. Нацагдордж в «Истории Халхи» упоминал о существовании данного сочинения еще в 1963 г., он также сообщил некоторые сведения, содержащиеся в источнике [39: 10]. Первые критические замечания к тексту появились благодаря статьям В. Хайссига [см.: 24; 25]. Исторические сведения о военных походах Алтан-хана проанализировала В. Вайт [32].
8. Он хранится в Библиотеке Института истории и литературы Академии наук Внутренней Монголии, его факсимиле также входит в издание Джорунги.
9. По мнению исследовательницы, издание монгольского текста, выполненное Джорунгой, ненадежно: оно содержит неверные чтения и в некоторых местах пропущены целые строки [27: XVI].
10. Помимо источников, использованных в нашей работе, она исследует сведения других монгольских летописей XVII в. — «Алтан тобчи» Лубсан Данзана и «Асарагчи нэрэту туух».
11. «Ши лу», или «Правдивые записи», как отмечает Б. Г. Доронин, являются одним из наиболее стабильных компонентов государственного историописания и считаются первоосновой всей историографии средневекового Китая [9: 42]. Это официальные сочинения, посвященные делам правления одного императора. Текст «Правдивых записей» представляет собой подборку расположенных в хронологическом порядке фактов и официальных материалов, никаких авторских ремарок в нем не допускалось. В отличие от большей части других источников по истории династии Мин, подвергшихся при маньчжурах весьма радикальной ревизии, «Правдивые записи», видимо, избежали подобной участи и по этой причине представляют собой наиболее полный свод данных о Китае XIV—XVII вв., которыми располагает наука [там же: 49].
- Работа по составлению «Мин ши», или «Истории династии Мин», продолжалась почти сто лет: о ее начале было объявлено в 1645 г. — через год после вступления маньчжуров в Пекин, а окончательный вариант сочинения был издан в 1739 г. Для составления «Мин ши» был создан специальный комитет («Мин ши» гуань). Его деятельность контролировалась лично императором [9: 67, 77].
12. История полемики, связанной с вопросом о происхождении и значении самого термина «ойрат», подробно рассмотрена И. Я. Златкиным [11: 18—20]. На сегодняшний день данный вопрос не решен.
13. В. Успенский на основе китайских источников называет джунгарями один из родов или отделов, на которые подразделялись ойраты в начале правления династии Мин. Однако И. Я. Златкин указывает на то, что наименование «джунгар» никогда не являлось этнонимом и во все времена означало «левую руку» [11: 21]. Такого же мнения придерживается Ш. Б. Чимиддорджиев [21: 50].
14. Первоначально *тумэнами* (или *тэмями*) называли военно-административные единицы, на которые подразделялись восточное и западное крыло монгольского войска, в состав тумэна входило 10 000 воинов, но даже в эпоху Чингис-хана численный состав тумэна колебался. В XIV—XVII вв. термин «тумэн» стал употребляться в качестве наименования крупных владений — *улусов*, на которые тогда делились восточные и западные монголы, безотносительно к количеству выставляемого войска [12: 175—176].
15. Причисление монгольского племени к тому или иному тумэну, как указывает Г. Сэрройс, не следует воспринимать буквально. Ко временам династии Мин представителя любого клана или племени можно было обнаружить в любой части Монголии [30: 183, примеч. 6].
16. Следует обратить внимание на то, что точные даты жизни Даян-хана не установлены. Различные датировки рождения и кончины Даян-хана, встречающиеся в монгольских источниках, приводит в сравнительной таблице к своей работе Г. С. Горохова [13: 111]. Расхождения в датировке рождения и начала правления Даян-хана не имеют прямого отношения

- к вопросам, рассматриваемым в данной работе. Что касается времени его кончины, то в источниках встречаются три даты: 1504 г., 1517 г., 1543 г. Первая из них, 1504 г., упомянута в сочинении Гомболджава «Ганга-йин урустгал», а также в «Болор толи» Рашипунцога (XIX в.), ее придерживается Н. Ариунгуа [34: 54]. Вторая датировка, 1517 г., по-видимому, восходит к «Истории Алтан-хана» [5: строки 139—142], в более поздний период ее повторяет Галдан в своем сочинении «Эрдэнийн эрихэ» [см. 13: 111]. Последней датировки, 1543 г., придерживаются большинство исследователей. Кроме того, исследователи датируют смерть Даян-хана 1524, 1532 гг. [19: 525].
17. Подробный материал по данному периоду монгольской истории представлен в работе Гороховой [13], автор которой отобрала и систематизировала сведения о правлении Даян-хана, его родословной, а также его наследниках, имеющиеся в монгольских летописях.
  18. *Джинон* (монг. *jinong*) — второй по значимости титул после «хаган», так называли наследников хагана [35: 7].
  19. Монг. *tayiji*.
  20. Монг. *Tüsiy-e tü sečen qayun čola soyorqabai* [5: 50, строка 4].
  21. Монг. *Burqai Tayisi*.
  22. Монг. *oyiγud*.
  23. Монг. *Ulus Bolud*. Н. Ариунгуа называет его имя Улус Байху [34: 63].
  24. По сообщению «Истории Алтан-хана», в 1510 г. маленький Алтан, которого скрывали от Ибэр-тайджи, встретился со своим делом, Даян-ханом [5: 126—130].
  25. Монг. *Ibarai Tayisi*.
  26. Саган Сэцэн относит его к *юншиэбу* [6: 116].
  27. Н. П. Шастина переводит данный титул как «малый хан», указывая на то, что выражение это не поддается точному переводу, возможно его можно осмыслить на основе китайского «ши-цзун» (т. е. второй по счету государь какой-либо династии). Кроме того, она отмечает, что в различных списках «Эрдэнийн товч» Саган Сэцэна можно встретить вместо «шитну-хан» «ситу-хан», что, по мнению исследовательницы, можно перевести как «хан, обладающий счастьем-величием» [3: 189]. Монгольский историк Ш. Нацагдордж, одним из первых использовавший в своих исследованиях материалы «Истории Алтан-хана», называет титул, дарованный Дарайсуном Алтану, согласно данному источнику, «*шидао хан*» [39: 10].
  28. В данной публикации мы не будем подробно останавливаться на вопросе о религиозном окружении Алтан-хана, предпосылках и причинах, которые побудили хана пригласить иерарха школы *гэлуэна*.
  29. См., напр.: [26: 26—27].
  30. Вопрос о функционировании оборонительной системы империи Мин был подробно рассмотрен в статье Н. П. Свистуновой [17].
  31. После того, как Алтан-хан заключил договор с династией Мин, служивший ему резиденцией город был назван Гуй-хуа-чэн. Данное название, согласно переводу П. Хьера, означало «Город, относящийся к китайской культуре» [26: 64]. Другой перевод этого названия предлагает А. Цендина: «Возвращенный цветок» [1: 114, примеч. 90]. Ш. Нацагдордж, по-видимому, ошибочно, полагает, что название Гуй-хуа-чэн было дано не поселению Байшин, а еще одному городу, основанному Алтан-ханом [39: 10—11].
  32. Монг. *Köke qota*, в современном написании Хөх-хот (в настоящее время — столица Автономного Района Внутренняя Монголия КНР).
  33. Монг. *Möngke ingri* или в современном написании *Mөнх тэнгэр*. Традиционно монголы называли себя *Хөх Монгол* (*Köke Mongγol*; буквально Голубые монголы), а свое государство *Хөх Монгол улс*, восходящее, по мнению С. Дулама, к *Mөнх тэнгэрийн хүчин ивээл дор агч Хөх Монгол улс*, то есть «находящаяся под покровительством Вечного Неба Монголия». Подробнее см.: [36. II: 28—31].
  34. Монг. *Laba, Ibang, Bičigeči, Sačasqalu, Tunbang*.
  35. По мнению Джорунги, *Лаба* являлся неким *Цю фу* из Датуня. Как искусный ремесленник, он построил для Алтана три больших дома, он также заботился о посадках зерновых. *Ибанг* являлся неким *Чжао Цюанем*, также из Датуня. Вместе с *Цю фу* он жил в богатой части города и участвовал в военных походах Алтан-хана в Китай. *Бичигчи* являлся не-

кий Ли Цзы-сини. Из-за того, что он умел читать и писать, ему дали монгольское имя «писарь» или просто «пишущий». Бичигчи также жил в богатой части города. Следующий китайский беглец, который упомянут далее в источнике, Ли Нохэчи (монг. *Li Nōkeči*). Его имя было идентифицировано В. Вайт как Лю сы, он являлся дезертиром из армии генерала Ли Ин-лу из Ляоина. Ли, как указывает Джорунга,

обсчитывал солдат в вознаграждении и продовольствии, был довольно жесток с подчиненными, поэтому Лю сы с двумя товарищами убили генерала, бежали и скрывались у Алтан-хана [цит. по 32: 117]. Он также принимал участие в военных кампаниях монголов против Китая [там же; 5: 58—59]. 36. Этот фрагмент приведен издателем «Истории Алтан-хана» в примечании [5: 75—76, примеч. 3].

Источники и литература

Источники

1. История Эрдэни-дзу / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. А. Д. Цендиной. М., 1999.
2. *Лубсан Данзан*. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1973.
3. «Шара туджи». Монгольская летопись XVII в. / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1957.
4. *Bawden Ch.* The Mongol Chronicle Altan tobci. Wiesbaden, 1955.
5. Erdeni tunumal neretü sudur orošiba (Сутра под названием «Драгоценный осадок»). Пекин, 1984.
6. Geschichte der Ost Mongolen und ihres Fürstentums. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chuan Taidshi der Ordos. Aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Original Texte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andere unedierte Originalwerken herausgegeben von I. J. Schmidt. St.-Pbg., 1826.
7. *Sagang Secen*. Erdeni-yin tobci: a Mongolian chronicle of 1662. Vol. 1, 2. Canberra, 1990/91.

Литература

8. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978.
9. *Доронин Б. Г.* Китай XVII—XVIII веков: Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988.
10. *Жамцарано Ц. Ж.* Монгольские летописи XVII века // Труды Института востоковедения АН СССР. Л., 1936.
11. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). 2-е изд. М., 1983.
12. История Монгольской Народной Республики. 3-е изд. М., 1983.
13. Монгольские источники о Даян-хане. Введ., вступ. ст. и коммент. Г. С. Гороховой. М., 1986.
14. *Насилов А. Д.* «18 степных законов» — памятник монгольского феодального права: Автореферат на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1987.
15. *Покотилов Д. З.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634: (По китайским источникам). СПб., 1893.
16. *Попов П. И.* Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
17. *Свистунова Н. П.* Организация пограничной службы на севере Китая в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
18. *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия, XVI—начало XX века. Новосибирск, 1988.
19. *Успенский В. Л.* Государство Даян-хана в Монголии // История Востока. Т. 2: Восток в средние века. М., 1999.
20. *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.
21. *Чимиддоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения восточных монголов и ойрат-монголов (XIII—XIV вв.) // *Mongolica. An International Annual of Mongol Studies*. Vol. 2 (23). 1991. С. 50—59.

22. *Bira Sh.* A Sixteenth-century Mongol Code // Бира Ш. Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа. Токио, 1994. С. 277—309.
23. Dictionary of Ming Biography. 1368—1644. Vol. I, II. N. Y.: London, 1976.
24. *Heissig W.* Ein Quellenbezug der Altan Khan Biographie // *Studia Historica Mongolica*. V. I. 1985. S. 185—192.
25. *Heissig W.* Zur «Biographie des Altan Khan» der Tümet (1507—1583) // *Ural-Altäische Jahrbücher, Neue Folge* 4. 1984. S. 187—221.
26. *Hyer P.* A Historical Sketch of Köke-Khota City of Inner Mongolia // *Central Asiatic Journal*. Vol. 26. 1982. P. 56—77.
27. *Kollmar-Paulenz, Karénina.* Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qaghan der Tümet-Mongolen. Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert (Asiatische Forschungen, Bd. 142). Wiesbaden, 2001.
28. *Kollmar-Paulenz, Karénina.* Prolegomena zu einer Neubewertung der religionspolitischen Beziehungen zwischen dem Altan qayan der Tümet-Mongolen und der tibetisch-buddistischen *dGe lugs pa*-Schule im ausgehenden 16. Jahrhundert // *Ural-Altäische Jahrbücher, Neue Folge*. Bd. 16. 1999, 2000.
29. *Rossabi M.* Mongolia: From Chinggis Khan to Independence // Berger P., Bartholomew T. T. Mongolia. The Legacy of Chinggis Khan. London, 1995.
30. *Serruys H.* Early Lamaism in Mongolia. *Orient Extremus*. N 10. Heft 2. Wiesbaden, 1963.
31. *Serruys H.* Four Documents relating to the Sino-Mongol Peace of 1570—1571. *Monumenta Serica*. Vol. XIX, 1960.
32. *Veit V.* Einige Bemerkungen zur Bedeutung der Biographie des Altan Qan für die Geschichte der Mongolen des 16. Jahrhunderts // *Zentralasiatische Studien* 24 (1994). S. 113—118.
33. *Veit V.* Die Mongolischen Völkerschaften vom 15. Jahrhundert bis 1691 // *Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur*. Herausgegeben von Michael Weiers unter Mitwirkung von Veronika Veit und Walter Heissig. Darmstadt, 1986.
34. *Ариунгуя Н.* XIV—XVI зууны Монгол-Хятадын харилцаа. УБ., 1996.
35. *Гэрэлбадрах, Дуутан Ж.* XV—XVII зууны Монголын ноёд язгууртны зэрэг дэвийн асуудалд (К вопросу о титулах монгольской знати XV—XVII веков). Улаанбаатар хот, 1999.
36. *Дулам С.* Монгол Бэлгэдэл Зүй. УБ., 1999, 2000.
37. *Ишджемц Н.* Их сэтгэгч Данзанрабжайн нэр алдар, мэндэлсэн жил, нэрэмжит хийд, туурвил бүтээлийн тодруулга // Монгол судлалын өгүүллүүд. Улан-Баатаар, 1998.
38. *Ишджемц Н.* Түмэн засагт хааны төр шашины боллого (Политика Түмэн Дзасагту хана (в отношении) государства и религии) // *Mongolica*. УБ., 1995. С. 24—30.
39. *Нацагдордж Ш.* Халхын түүх (История Халхи). Улан-Батор, 1963.
40. *Пэрлээ Х.* Халхын шинэ олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг // Монгол ба төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг. *Monumenta Historica*, VI, 1. Улаан-Баатар, 1974.